

УДК 316.277.4[093.3]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

Н.В. Середа

Тверь

Тверской государственной университет
nv.sereda@yandex.ru

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье рассмотрены традиции ведения документов личного происхождения, существовавшие в купеческих семьях городов Тверской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. Дошедшие до нас записи в основном составлялись синхронно происходившим событиям, но они включают в себя и записи предков, и воспоминания авторов, что придает им характер мемуаров. В некоторых семьях ведение записей было делом всей семьи, и это дело помогало воспитанию и образованию детей, развивало у них грамотность, наблюдательность.

Ключевые слова: документы личного происхождения, дневники, мемуары, купечество, Тверская губерния, традиции, культурное наследие, повседневность.

В числе малоизученных страниц русской культуры XVIII – первой половины XIX в. остается интеллектуальная и ментальная сторона жизни провинциального купечества. Отчасти это происходит «из-за слабой разработанности проблемы или долго сохранявшегося негативного восприятия термина “провинция”» [1, с. 125]. Отчасти тому виной недостаток источников личного происхождения, созданных в этой среде, значение которых к тому же до сих пор «еще не вполне осознанно, а ряд из них остаются вовсе незаслуженно забытыми» [2, с. 229].

Так, в городах на Средней Волге эта ситуация ощущается вполне отчетливо. Признавая «особую ценность» мемуаров и дневников, «которые были результатом творчества саратовских купцов», историками из Саратова был «выявлен только один такой дневник, основное содержание которого относится к периоду до 1865 года» [3, с. 102]. При изучении купеческо-мещанской среды дореформенной Самары «также ощущается недостаток источников, особенно созданных непосредственно в этой среде» [4, с. 363]. В результате для средневолжского региона в целом «дневники, мемуары купцов и мещан были редким явлением в пер-

вой половине XIX в.», а потому «уникальными источниками такого рода» остаются дневники городского головы Саратова Д.М. Вакурова и самарского купца Е.Н. Аннаева [5, с. 314]. В этом отношении несколько выигрывали города на Верхней Волге и центре страны, обладавшие более старыми и богатыми культурными традициями.

В архивах и музеях Тверской области хранится довольно много документов личного происхождения, созданных в семьях горожан. Некоторые из этих текстов были введены в научный оборот и опубликованы еще членами Тверской ученой археографической комиссии (ТУАК) в изданиях «Прошлое и настоящее г. Твери» (1919) и «Летопись о событиях в Твери купца Михаила Тюльпина. 1762–1823» (1902). Но к концу XX в. эти издания стали библиографической редкостью, и широкое их использование краеведами и студентами поставило вопрос о переиздании работ членов ТУАК [6; 7]. Последняя по времени публикация текстов документов личного происхождения тверского купечества вышла из печати в 2007 г. и включает почти все тексты конца XVIII – первой половины XIX века [8].

Сохранившиеся тексты позволяют говорить, что в тех семьях, от которых дошли подобные источники, ведение дневниковых записей было традицией, сохраняемой в течение жизни нескольких поколений. Эта традиция в разных семьях закладывалась и поддерживалась по-разному. Начинатели дневников задавали форму записей, основную «концепцию» ведения семейной хроники, осознанно приобщали членов семьи к этому занятию. В некоторых из них, как у тверичан Блиновых, Томиловых и новоторжцев Масленниковых, явно существовал процесс формирования и поддержания «дневниковой культуры» у детей представителями старшего поколения, во всяком случае, на некоторых этапах существования династии. Признаки традиции ведения дневниковых записей можно выявить даже в памятниках личного происхождения, создававшихся по преимуществу одним человеком, как было с «Летописью Михаила Тюльпина».

Важнейшим показателем существования «дневниковой традиции» можно рассматривать свидетельства о наличии у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или ранних записей его самого, перенесенных в дошедший до нас памятник. Такие записи, видимо, и составили основу «Летописи Михаила Тюльпина», ведь первая из них рассказывает о пожаре 1763 г., когда автору было всего лишь 8 лет от роду. Едва ли его детская память или память кого-то другого могла сохранить до 20-х годов XIX в. сведения о численности чудом сохранившихся тарелок, о количестве дней, прожитых после пожара в чужих домах, о внешнем облике города до начала пожара. Скорее всего, в основе записей, относящихся к периоду до 1775 г., лежат записи представителей старшего поколения, а основе последующих – записи самого Михаила. Его чувства в период опасности оккупации Твери французами в 1812 г., например, переданы так эмоционально, что не оставляют сомнений, что фиксировал он их в момент переживания или очень быстро после этого [8, с. 290-

293]. Водяные знаки рукописи позволяют считать, что свои записи, заметки своих предков, а также другие используемые источники Михаил Тюльпин литературно обработал в 1817 г., когда собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник. Переписав содержание различных источников о событиях минувших, он стал фиксировать вновь происходящие события сразу в специально заведенной тетради, о чем позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. После смерти Михаила дневник некоторое время вел его родственник, Иван Дмитриевич Тюльпин, скорее всего племянник Михаила. Михаил не называет автора тех предварительных записей, которые составили основу его дневника, но скорее всего им был отец Михаила – священнослужитель. Установлено, что восстановить и описать застройку Твери до пожара 1763 г. Михаил смог с помощью бывшего соседа Семена Васильевича Янковского. Рукопись Янковского с описанием каменных построек города до пожара была обнаружена в фондах Тверского государственного объединенного музея. Она была составлена по просьбе Михаила Тюльпина и выглядит как письмо, адресованное Михаилу [8, с. 264-265]. Текст, содержащийся в этом письме, несколько отличается от текста самого М. Тюльпина, вошедшего в памятник [8, с. 266-267].

Дневник купцов Томиловых представляет нам воплощение дневниковой традиции примерно в таком же варианте. Влас Григорьевич Томилов, приступая к ведению своей Памятной тетради в 1822 г., сначала переписал в нее сведения аналогичной тетради или разрозненных записей, которые вел ранее его отец Григорий Григорьевич в период с 1776 по 1797 г., а также он сам, начиная с 1797 года [8, с. 316]. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: «Памятная книга к[упца] В[ласа] Г[ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 по 1797-й гг., а с того времени продолжается Власом Григорьевичем

Томиловым» [8, с. 318]. При этом он не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы человека, историю монумента, воинского образования и т. д. Переписав с записей отца по 1777 г. сведения о закладке монумента в честь Екатерины II, он тут же сообщил, что в 1811 г. при принце его разобрали, чтобы поставить более достойный, но за смертью его остался несделанным [8, с. 318]. В этой записи имеется в виду принц Георгий Ольденбургский, женатый на любимой сестре Александра I Екатерине Павловне. Георгий в 1809-1812 гг. был генерал-губернатором тверским, новгородским и ярославским. Его резиденция располагалась в Твери. Принц скончался в конце 1812 года. И в других случаях Влас не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы того или иного человека, явления и т. д. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: «Маия 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвейчем Барылиным» [8, с. 320].

Ведение дневника у Томиловых было делом старшего в роду. И в этом тоже было выражение традиции. Григорий Григорьевич вел записи до 1797 г., т. е. практически до своей смерти (1801 г.) Затем в течение почти 30 лет дневник вел Влас Григорьевич, старший сын Григория. В 1830 г. одна из записей была сделана рукой Николая – старшего сына Власа: в декабре 1830 г. он сделал запись в дневнике об отъезде «батюшки Власа Григорича с товаром на девятнадцати подводах до города Ржацка...» [8, с. 348].

Интересно, что именно в 1830 г. Николай начинает самостоятельные поездки по торговым делам, т. е. ему одновременно доверяют семейный бизнес и позволяют прикоснуться к дневнику. При этом следует отметить, что младший брат Власа Осип не участвовал в ведении дневниковых записей даже в

период совместного проживания братьев в доме отца и совместного ведения торгово-предпринимательской деятельности. После 1830 г. записи в дневнике Томиловых велись в две руки, Власом и Николаем. Записи Власа преобладают, отчасти вероятно, потому что Влас старел и переключался на сына основную часть дел, в связи с чем сам он все чаще оставался дома, а Николай, наоборот, все чаще стал отлучаться по торговым делам. С 1838 г., после смерти Власа, дневник должен был вести Николай, но занятый хозяйством он касался его очень редко. Зафиксировав смерть отца, он 10 лет не брал его в руки. Записи возобновляются с 1848 г., однако до 1861 г. их было сделано всего 12, и большая их часть относится именно к 1861 г. и сообщает о пожарах в городе, после чего дневник обрывается.

По «Памятной книге Томиловых» дневниковая традиция прослеживается более отчетливо, чем в летописи М. Тюльпина. Влас подчеркивает преемственность этого семейного занятия в заголовке к памятнику, при исследовании текста становится очевидно, что в этой семье право или обязанность ведения дневника передается от отца к старшему сыну. Похожая ситуация существовала и в семье жителей Твери Блиновых.

Явно не богатые, Блиновы еще в начале 70-х годов XVIII в. завели тетрадь небольшого формата в хорошем кожаном переплете с толстыми шероховатыми листами бумаги желтоватого цвета, явно рассчитывая на длительное ее сохранение. Водяной знак представляет собой сложный вензель ФК и ПР, учтенный в сборнике филиграней С.А. Клепикова под № 704 [9]. Для Блиновых эта тетрадь, более похожая на книгу, стала неким символом, чем-то сродни родовой иконе. Эта тетрадь с записями, внешне скорее похожая на дорогую книгу, на протяжении последующего столетия являлась неотъемлемой частью дома, где проживали глава рода и его сын. В 1816 г. рукопись вместе с Иовом Карповичем – основным автором записей, переехала в новый каменный дом [8, с. 242]. Однако в отли-

чие от Томиловых, Блиновы не ограничивали доступ к ведению дневника для других членов семьи.

Их дневник – сложный по своей структуре исторический источник, который лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам, можно называть дневником [10, с. 34]. В нем отчетливо выделяются несколько частей различных по функциональному назначению. При первом знакомстве с текстом практически невозможно понять композицию памятника, в двух из трех разделов хронология являет собой образец хаоса, после записи, датированной одним годом, может идти запись, несущая в себе несколько более ранних дат [11]. Сложность композиции объясняется, во-первых, пространными хронологическими рамками повествования, охватывающего период примерно с 1762 г. до конца XIX в., и, во-вторых, тем обстоятельством, что оно не только отражает жизнь нескольких поколений рода, но и является продуктом их коллективного творчества, в ходе которого замысел начинателя претерпел существенные изменения. Этот памятник дает огромный материал для размышлений над созданием и развитием дневниковых традиций купечества.

Первоначальная концепция ведения дневника, заложенная человеком, которого не удалось отождествить ни с кем из рода Блиновых, четко прослеживается при вычленении и изучении записей, сделанных на первом этапе его создания. Они принадлежат одному человеку. Согласно его концепции летопись должна была состоять из трех частей. В первую (л. 1-4 об. по архивной нумерации) предполагалось заносить события из жизни семьи, города, царствующей династии, страны в целом по мере того, как они происходили [8, с. 225-227]. Последние листы (с л. 151 по архивной нумерации) [8, с. 260-261] предполагались для разного рода сведений, почерпнутых из литературы. Они содержат мудрые изречения, сведения об истории, лечебных растениях, свидетельствуют о знаком-

стве кого-то из Блиновых с основами самых разных наук и, возможно, с греческим и латинским языками. Этот раздел условно можно обозначить как «разное на память». Кроме того, инициатор создания семейной летописи планировал выделение еще одной смысловой части, которую условно можно назвать «философско-исторической». К сожалению, она содержит лишь одну запись – о системах счета времени, которая занимает л. 115 об.-116 по архивной нумерации [8, с. 257]. Остальные листы этого раздела остались чистыми. Сам факт одиночества записи в этой части летописи наводит на многие размышления. Во-первых, о том, что ее зачинатель был человеком не просто образованным, а склонным к философским размышлениям. Во-вторых, его потомки, не обладая такими склонностями, имели уважение к планам предка, они не осквернили святое для него место записями о житейских проблемах серых будней: когда встала проблема свободного места в первой части книги, они вшили в нее новые листы.

Листы 1-4, половина л. 4 об., а также л. 115 об.-116 рукописи написаны одной рукой, нам не удалось установить, кем именно сделаны записи. В их основе лежат чьи – то черновые заметки. В пользу такого предположения свидетельствуют уже первые два листа дневника. Писец дважды касается трагической темы пожара в Твери 1763 г.: на л. 1 и 2. При этом текст на л. 1, который включал также упоминания о пожарах в Торжке и Нижнем Новгороде, перечеркнут. На л. 2 описание тверского пожара дано более пространно, кроме того, он датирован уже не 28 мая 1762 г., как на л.1, а 19 мая 1763 г. Скорее всего, при первом прочтении черновых записей переписчик неверно понял их содержание, осознав это, он перечеркнул первую страницу текста. Согласно перечеркнутой записи получалось, что спаслись от пожара 30 человек, находившихся в церкви, а согласно описанию на л. 2 именно они сгорели. Точность сведений второго листа подтверждается сообще-

ниями Д. Карманова, первого тверского историка [12, с. 105].

Палеографические наблюдения позволяют утверждать, что большая часть записей памятника за период с 1774 по 1825 г. сделана Иовом Блиновым. Иов внес изменения в тематику дневниковых записей, считая необходимым отражать частную жизнь семьи (браки, рождение, смерть членов родственного клана), в то время как на 1-4 листах таких записей нет. Это начинание, заложенное им, закрепилось, и, более того, во второй половине XIX в. записи на эти темы составляют основу дневника. Иов впервые взял дневник в руки в январе 1774 г., поводом стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. Весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. «В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня» [8, с. 227]. Зачеркнутое слово «генваря» и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 г., была сделана в январе 1774 года. Однако поток сознания вел Иова дальше в глубь времен, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 году. Иову было 14 лет, когда родился брат, и событие это по всей вероятности произвело на него большое впечатление, стало неким перерывом в череде однообразных будней. Рождение собственного сына стало толчком к осмыслению этого факта с позиций взрослого человека, и он счел необходимым внести этот эпизод десятилетней давности в дневник после сведений о своей женитьбе и рождении своего сына. Поэтому в дневниковой записи, сделанной в январе 1774 г., описаны события, датированные автором 1772 и даже 1764 гг. Целая серия разновременных, но близких по смыслу событий, связанных с частной жизнью, зафиксирована

одномоментно, одним почерком и одними чернилами. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рождение брата почти 10 годами ранее. При этом запись, датированная 1764 г., стоит в этом комплексе на последнем месте. Такой процесс мышления в системе *ex post* – от настоящего в прошлое [13, с. 180-181; 14], – как и особенности почерка, помогает выделить в дневнике записи, написанные самим Иовом.

С начала 1774 г., когда Иов сделал записи о своей женитьбе и рождении сына, записи приобретают дневниковый характер, начинают в целом соответствовать течению времени, становятся более или менее синхронными происходящим событиям. Кажущиеся отступления от хронологии в тексте, который составлялся при жизни Иова, вызваны тем, что течение мысли самого Иова, когда он садился за дневник, происходило в направлении он настоящего к прошлому, а также соседством частей, построенных в разных хронологических системах, что является следствием участия в его ведении нескольких людей. Возможно, что занятия семейным бизнесом часто и надолго отрывали Иова от дома, а записи других людей не только сделаны в иной хронологической системе, но отличаются большей подробностью при освещении событий, да и сама проблематика их записей несколько иная.

О том, что при жизни Иова дневник являлся продуктом коллективного творчества возможно даже не семьи, а целого родственного клана, свидетельствует множество фактов. Следует иметь в виду, что при участии в ведении дневника людей, имеющих различные темпоральные представления, сам процесс создания семейной хроники всегда находился под контролем кого-то из старших членов семьи. Сложность атрибуции усугубляется тем, что при жизни Иова, осо-

бенно в период с 1778 по 1798 г., часть текстов составлялась одними людьми, а вписывалась в дошедший до нас памятник другими. Очень вероятно, что предварительные записи делал кто-то из детей Иова, а затем они переписывались взрослыми. Таким образом преследовались воспитательные и образовательные цели: у младших членов семьи формировались уважение к истории семьи, рода, навыки письма, темпоральные представления, наблюдательность. Несколько записей сделаны изящным, «кружевным» почерком, скорее всего принадлежащим женщине.

Совершенно очевидно, что в конце 70-80-х гг. XVIII в. одному из членов семьи было поручено вести предварительные записи о поведении рек Тьмаки и Волги, особенно в периоды становления ледяного покрова и ледохода, а также о погоде. После завершения соответствующего природного цикла, а иногда и по прошествии всего года первоначальные наброски, сделанные этим человеком, переписывались в дневник. Как следствие, записи на эту тему, ранее занимавшие не более трех строк, стали растягиваться на две-три страницы. Сравним записи 1777 и 1778 гг. Первая принадлежит Иову, она кратко и весьма приблизительно констатирует: «В 1777 году Волга стала ноября дня (день не указан). Того ж году ноября 25-го дня – тепло, снег согнала и дорогу испортила» [8, с. 230]. Через год запись полна подробностей, которые едва ли можно было вспомнить по прошествии месяца, причем очевидны следы переписывания какого-то первоначального текста. Приведу в качестве примера лишь небольшой отрывок. «1778-го года сентября 31-го пошел снег и выпала многа, а октября 1-го зделалась грязь, а третьяго мороз и еще снег и дорога и шорош на Волге шол. Из Москвы на санях приехали. А че 14 пошел дош...» [8, с. 231]. Перемены в погоде детально описаны до конца октября, одним и тем же почерком, без смены чернил и пера, что свидетельствует об одномоментном создании этой записи, а

значит – о переписывании в конце октября каких-то предварительных заметок. О переписывании текста, причем, скорее всего, составленного другим человеком, а не тем, кто вписывал сведения о погоде в дневник, ярко свидетельствует оборот «А че 14 пошел дош». Он позволяет говорить, что в первоначальном тексте дата была написана буквами, а переписчик был склонен заменять их цифровыми обозначениями. Иногда он забывал это делать: «третье» (октября. – *Н.С.*) написано словом; при описании перемен погоды 14 и 17 октября, написав первые слоги слов, обозначающих числа, переписчик текста спохватывался и переходил на цифры. Эти детальные записи иногда вклиниваются в текст дневника, кажутся, нарушая его общую хронологическую канву и лаконичный стиль изложения, создавая впечатление хаоса. Так, например, в записях за 1788 г. сведения об апрельской погоде и состоянии рек в этот период идут за комплексом сведений о церковной жизни: смерти архиепископа Тверского и Кашинского Иосафа и о его погребении в феврале, о назначении нового епископа Тихона и приезде его в Тверь 18 июня [8, с. 234]. Наблюдения за графикой позволяют предположить, что записи метеорологического характера, имеющие отношение к апрелю, были внесены в дневник, скорее всего, в ноябре одновременно с записями о затмении 24 июня и о погоде в октябре-ноябре [15, с. 234]. Сделаны они почерком, несколько отличным от почерка, которым сделаны записи о церковной жизни, это позволяет считать, что между членами семьи существовало своеобразное разделение труда по фиксации сведений о той или иной стороне жизни, но одни могли их фиксировать в дневнике сами, сразу в беловом варианте, другие, вероятно, не имели такого права, они вели лишь черновые записи, которые потом вписывал в дневник кто-либо из имевших на это право. Те, кто имел право делать записи непосредственно в дневнике, делали это не всегда в точном соответствии с ходом вещей, а задним числом. Все это в совокупности

и создает впечатление хронологического хаоса в семейной летописи Блиновых, и лишь детальное исследование графики и чернил позволяет избавиться от этого ощущения, потому что делает заметным ход работы над ведением этой семейной хроники. Причем результаты изучения позволяют говорить о существовавшей в этой семье, во всяком случае при жизни Иова и его жены, традиции приобщения всех членов семьи, включая женщин, к фиксации происходящих событий. Благодаря Иову и его жене дневниковая культура вполне прижилась в рамках провинциальной купеческой семьи. После смерти Иова в течение десяти последующих лет дневник вел его младший сын Петр. Старший сын Иван был отделен почти сразу после женитьбы, а Петр все время проживал в одном доме с отцом, и именно он стал хозяином и дома, и дневника после отцовской смерти.

Петр обращался к дневнику часто, по всей вероятности сказывалась привитая в детстве дневниковая культура, а, возможно, интерес к процессу описания, потребность выразить словом художественную направленность восприятия окружающего.

Он не привлекал домашних к его ведению, и в этом был разрыв с ранее существовавшей семейной традицией. Лишь однажды его сын Яким сделал запись о своей женитьбе [8, с. 251]. Продолжение же традиции выражалось в том, что записи Петра были достаточно широки по своей проблематике, они, как и более ранние, отражают не только факты рождений детей, заключения браков, смерти обитателей дома, но также события городской жизни, жизни государства, внешнеполитических событий.

Начиная с 1835 г., сразу после смерти Петра в ведении дневника происходят дальнейшие серьезные перемены. Трансформация традиции выражается в сужении географического пространства, отражаемого исследуемым памятником, с этого времени он приобретает черты чисто семейной хроники. С его страниц исчезают сведения даже о жизни города,

не говоря уже о жизни страны в целом. Все то, что происходит за пределами весьма узкого круга родственников не находит отражения на страницах памятника и в этом – не только изменение концепции дневника, заложенной в начале 70-х годов XVIII в., но и трансформация традиции, которая поддерживалась предыдущими поколениями.

Дневник жителей Торжка Масленниковых интересен тем, что в нем изначально были заданы не только план изложения событий, но даже объем годовых записей и порядок расположения элементов в пределах года. В момент начала ведения дневника каждая страница была поделена на три графы: две узкие и одну широкую. В них следовало писать месяц, когда произошло событие, затем – в совсем узкой – указывать его число, широкая графа предназначалась для фиксации самих событий. По замыслу начинателя дневника под описание событий каждого года отводился один полный лист, т. е. страница с оборотом. При этом все листы и страницы были заранее, одной и той же рукой, не только расчерчены, но и помечены в середине верхней строки датами: 1834 год, 1835 год и т. д. При этом каждая дата повторялась дважды: с лицевой стороны и на обороте листа. Также на каждом обороте листа над узкими графами стояли их названия, указывавшие на предназначение: «месяцы», «числы».

Дневник Масленниковых знаменателен тем, что нигде более план записи внутри годовых разделов не выдерживается столь строго. К этому следует добавить, что и нарушение хронологии в дневнике практически не встречается. Кто и когда разработал план расположения записей в рамках года не известно, однако то обстоятельство, что этот план всегда выдерживался свидетельствует, что беловые записи дневника составлялись в конце года, что в свою очередь предполагает наличие черновых их вариантов. Все годовые циклы записей, начиная с 1834 г., открываются сообщениями о выборах на городские службы. К примеру,

запись событий 1837 г. начинается следующими словами: «Генварь. Сего года продолжал службу городаваго старосты новоторской купецкой сын Иван Николаев Маслеников по прозбе градскаго головы Ефрема Андрееча Остолопова» [8, с. 387]. Годовые записи начинаются с подобных сообщений даже в том случае, если к городским должностям не был выбран никто из Масленниковых. Затем с соблюдением хронологии идут записи о погоде, о семейных событиях, о жизни города и горожан, а в конце годового раздела приводятся сведения о ценах на основные виды продуктов и общая оценка года с точки зрения успехов семейного бизнеса.

Традиционность изучаемых памятников выражается и в выборах объектов внимания авторов дневников. Все известные дневники пишут о серьезных строительных работах в городе, особенно если они связаны с церквями, об эпидемиях, приездах в город членов императорского дома, рождении детей и других семейных событиях. И лишь два дневника считают объектом, достойным внимания, торгово-предпринимательскую деятельность: памятная книга купцов Томиловых и дневник новоторжцев Масленниковых. В этом плане дневник последних особенно показателен. Там записи о результатах торгово-предпринимательской деятельности фиксируются в конце года как некий итог. Под 1836 г. сообщается: «Сего года была общая покупка в Лыскове новоторских купецкаго сына Ивана Николаева Масленикова и купца Василия Савельева Вавулена. Покупку чинил от выше означенных товарищев прикащик Василий Калинин. От онаго хлеба по случаю падения цен получили значительныя убытки, и продажа оных товаров продолжалась в Питербурге более года» [8, с. 387]. Сведения о ценах являются обязательным атрибутом каждой годовой записи дневника Масленниковых, но и они сообщаются в связи с анализом хозяйственной деятельности семьи за прошедший год. Так, по итогам 1840 г. записано: «Сего года осенью па всей Тверской губернии озимой хлеб в полях поел черф. И по

таковому случаю возвысилась цена на хлеб: рожь до 30 рублей за четверть, мука аржаная до 3 руб. 50 коп. за пуд, ячмень до 2 руб. за пуд, овес до 1 руб. 73 коп. за пуд на ассигнации» [8, с. 392].

В книге записей истории семьи Томиловых также можно встретить записи, свидетельствующие об активной торгово-предпринимательской деятельности: Под 1795 г сообщается: «Генваря 15-го взяли лавку в Железном ряду после Семена Цаплина под № 4-м. Платили за оною по 30 руб. в год. Товару снято у Цаплина на 170 руб.» [8, с. 320]. Под 1807 г. Влас Томилов сообщает, что «октября 20-го брат Осип покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же и продан: мука аржаная за куль по 9 руб. 10 коп., овес по 5 руб. 10 коп., ячмень 6 руб., солод за 2 пуда 2 руб. 30 коп. Денег половину ждять» [8, с. 323].

Внимание авторов к подобным сюжетам, скорее всего, является отражением образа жизни и мыслей членов семьи, но, с другой стороны, это есть показатель и отношения к текстам семейной летописи. Вероятно, по мнению Томиловых и Масленниковых семейная летопись должна отражать реальную жизнь семьи и ее повседневные заботы, в том числе о хлебе насущном, о комфорте и удобстве дома, где проживает семья и т. п. Об этом свидетельствует целый ряд записей Томиловых, особенно относящихся к 1817 г.: «Октябрь. 16-го числа купили мы с аукционного торга дом после Ивана Петровича Черепягина, ценою за семь тысяч двести двадцать пять рублей... Ноября 6-го порядил я плотников делать забор, ворота и крыльцо. Все оно за 200 руб. ... Поряжены печники зделать внизу 2 и вверху 3 печи, старые сломать и мусор вычистить, ценою за 135 руб. Работать начали 10-го декабря, окончили 7-го февраля. Работали Илья Воеводин и Степан Народов» [8, с. 334].

Дневниковая традиция купеческих семей выражается не только в факте ведения дневника в течение жизни нескольких поколений и в наличии пред-

варительных записей у основного автора или в четко заданной форме изложения событий. Преемственность присутствует и в том, как подаются сведения. Дневник Блиновых и летопись Михаила Тюльпина сдержанны в выражении чувств и эмоций. Изложение Тюльпина часто имеет оттенок назидательности.

Томиловы были достаточно открытыми в своих записях. Они часто использовали личные местоимения, легко установить их авторство по записям такого характера: «Был брат Осип в Лыскове», атрибуции помогает и указание на степень родства при фиксации тех или иных происшествий: «батюшка», «матушка», «зять» и др. Кроме того, подобные указания очерчивают широкий круг родственников, с которыми поддерживали связи Томиловы, их общительность. В их дневнике больше проявлений простых человеческих чувств. Особенно это характерно для Власа, его отец и сын были более сдержанны, и их записи не касались деталей семейной жизни и бизнеса. Из записи, относящейся к 1817 г.: «Сего ж месяца разделились мы с братцем Осипом Григоричем: лавка старая мне, а ему старой дом, которой положен по воле брата в 8000 руб., а я полагал – 10000» [8, с. 334], видны возникшие незадолго перед этим семейные противоречия.

Влас сообщает о деталях своих торговых операций, в том числе закупочные и продажные цены, размер полученной прибыли. Под 1823 г. он записывает: «Сего года было у меня в покупке овса 2138 кулей по 6 руб. 20 коп., муки – 254 куля по 11 руб. 80 коп. А продал овес Максиму Иваночу и Ивану Козмичу по 7 руб., муку по 13 руб.». О ценах пишут и Тюльпин, и Блиновы, но там сообщаемые сведения не вписаны в контекст жизни семьи, совершенно непонятно, какие это цены, и зачем они приводятся авторами, поэтому создается впечатление, что они их зафиксировали исключительно для памяти потомков.

Влас не стесняется в оценках людей, своих чувств к ним, сообщая о смерти

кого-либо из горожан, он выражает свое отношение к ним. Например, под 1828 г. есть запись: «20-го (февраля. – Н.С.) преставилась Настасья Ивановна Нечаева. Больна было очень мало. Женщина была очень умная и гостеприимная и веселая». Не скрывал он и негодования, жалости, сочувствия. Вот как сообщает он о смерти племянницы в феврале 1838 г.: «Февраля с 26-го на 27-е в ночи скончалась Лизавета Осиповна, дочь брата Осипа Григорьича, а крестница Марья Никифоровны (Жены Власа. – Н.С.). В замужестве была три года за Васильем Ильиным Назаровым [сыном богатейшего тверского купца]. Жизнь ее была самая неприятная: при всем богатстве текли через золото слезы: больна была чихоткою месяца три. Свекор и муж тяготили ее жизнь: первой суровостию, а последней – поведением. Даруй ей, Господи, царство небесное. Жизнь ее продолжилась 22 года неполные».

Удача в бизнесе зависит не только от величины полученного наследства, но и от талантов наследника. Документы личного происхождения подтверждают мнение современных исследователей российского провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX в. о том, что его «нельзя рассматривать как однородную массу, озабоченную исключительно поисками прибыли и погоней за чистоганом» [15, с. 278]. Информативность купеческих дневников обусловлена массой обстоятельств: наличием или отсутствием желания отразить окружающее, широтой кругозора, представлением о том, что заслуживает внимания для фиксации, уровнем дневниковой культуры. Анализ этих источников позволяет говорить, что в купеческих семьях не просто существовали дневники, тяготеющие к жанру мемуаров, но также существовали традиции ведения записей, которые были очень устойчивыми.

В каждой семье эти традиции имели свои нюансы и особенности, они касались формы ведения записей и их содержания, степени открытости чувств авторов, а также вопроса о том, кто имеет право

(или обязанность) вести записи. Однако индивидуальные особенности личностей, причастных к ведению дневников в тот или иной период, также вполне ощутимы, хотя и в разной степени. Изученные памятники свидетельствует, что дневни-

ковую культуру в семьях формировали сознательно и целенаправленно, приобщая, прежде всего, старшего сына к ведению семейной летописи, так же как приобщали к торговым делам.

Список литературы

1. Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. Т. 1. С. 125–202.
2. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5-1. С. 229–237.
3. Майорова А.С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–107.
4. Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–377.
5. Бирюкова А.Б. К проблеме формирования источниковой базы изучения городской провинциальной повседневности на ключевых этапах отечественной истории // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы II Всерос. науч.-методол. семинара. Самара: СГАКИ, 2013. С. 309–317.
6. Колосов В.И. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь: Леан, 1994. 254 с.
7. Дневники тверских купцов / отв. сост. Е.И. Барклай (Макарова). Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. 92 с.
8. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. Москва: РОССПЭН, 2007. 470 с.
9. Клепиков С.А. Филигранные и штамповые печати на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX века. Москва: Изд. Всесоюз. кн. палаты, 1959. 306 с.
10. Голубев И.Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. Калинин: Тип. Воен. команд. акад. противовоздуш. обороны, 1960. 64 с.
11. Серeda Н.В. Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. Москва: Издат. группа URSS, 2003. Вып. 7. С. 256–278.
12. Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь: Тип. Губ. правления, 1893. 167 с.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки рус. культуры, 1997. 800 с.
14. Серeda Н.В. Пространство и время в дневнике купцов Блиновых // Проблемы источниковедения. Москва: Наука, 2006. Вып. 1 (12). С. 400–412.
15. Киприянова Н.В. Отношение купечества к образованию в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Владимирской губернии) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2019. С. 274–279.

Сведения об авторе:

Середа Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документоведения, архивоведения и историографии Тверского государственного университета

ул. Желябова, 33, Тверь, 170100
nv.sereda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.04.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Середа Н.В. Документы личного происхождения тверских купцов как культурное наследие // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 65-76. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

УДК 316.277.4[093.3]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_65

N.V. Sereda

Tver
Tver State University
nv.sereda@yandex.ru

**PERSONAL DOCUMENTS OF TVER MERCHANTS
AS CULTURAL HERITAGE**

The article considers the tradition of keeping personal records among merchant families in Tver province at the end of the 18th and the first half of the 19th century. These records mainly record events that took place at the time. They also include accounts of the author and his ancestors, so that this material often takes on the

character of memoirs. In some families, note-taking was a family affair. This aided in the education of children, cultivating their literacy and powers of observation.

Keywords: personal documents, diaries, memoirs, merchants, Tver province, traditions, cultural heritage, everyday life.

References

1. Kozliakov, V.N., Sevast'ianova, A.A. [1998] Kul'turnaia sreda provintsial'nogo goroda [The Cultural Environment of a Provincial Town]. *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka* [Essays on Russian culture of the 19th century], 1, 125-202. (In Russian).
2. Artamonova, L.M. [2013] Rukopisi G.N. Potanina «Zapiski o Samare» i «Dedushka iz Samary» – zamechatel'nye pamiatniki «lokal'noi» istorii sereдины XIX veka [The Manuscripts by G.N. Potanin "Notes about Samara" and "Grandfather from Samara" – Remarkable Monuments of "Local History" of the mid-19th century]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences], 15, 5-1, 229-237. (In Russian).
3. Maiorova, A.S. [2014] Kul'turnye novshestva v srede kupechestva Saratovskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Cultural Innovations among the Merchants of Saratov Province at the End of the 18th – first half of 19th century]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 14, 2, 100-107. (In Russian).

4. Smirnov, Iu.N. (2018) Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhiteliami doreformennogo rossiiskogo goroda [Retrospective Analysis in the Genre of Oral History: Conversations with the Inhabitants of a Pre-Reform Russian City]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 63, 2, 361-377. (In Russian).
5. Biriukova, A.B. (2013) K probleme formirovaniia istochnikovoi bazy izucheniiia gorodskoi provintsial'noi povsednevnosti na kliuchevykh etapakh otechestvennoi istorii [On the Problem of Forming a Source Base for the Study of Urban Provincial Everyday Life at Key Stages of National History]. *Kul'turno-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e: Problemy i perspektivy* [Cultural-Historical Research in the Volga Region: Problems and Prospects]. Samara: SGAKI, 309-317. (In Russian).
6. Kolosov, V.I. (1994) *Proshloe i nastoyashchee g. Tveri* [The Past and Present of Tver]. Tver': Lean. (In Russian).
7. *Dnevnik tverskikh kuptsov* [Diaries of Tver Merchants] (2002). Tver': Izd-vo TvSU. (In Russian).
8. *Kupecheskie dnevniky i memuary kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Merchant Diaries and Memoirs of the End of 18th – first half of 19th Century] (2007). Moscow: ROSPEN. (In Russian).
9. Klepikov, S.A. (1959) *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVIII – XX veka* [Filigree and Stamps on Paper of Russian and Foreign Production]. Moscow: Izd. Vsesoiuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).
10. Golubev, I.F. (1960) *Kollektsiia rukopisei. Kratkii obzor* [Collection of Manuscripts: A Short Survey]. Kalinin: Tip. Voennoi komandnoi akademii protivovozdushnoi oborony. (In Russian).
11. Sereda, N.V. (2003) *Dnevnik kuptsov Blinovykh i ego avtory* [The Diary of the Merchants Blinov and Its Authors]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa URSS, 7, 256-278. (In Russian).
12. Karmanov, D.I. (1893) *Sobranie sochinenii, otnosiashchikhsia k istorii Tverskogo kraia* [Collected Works on the History of the Tver Region]. Tver': Tip. Gubernskogo Pravleniia. (In Russian).
13. Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V. (1997) *Istorii i vremia. V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of What Was Lost]. Moscow: lazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
14. Sereda, N.V. (2006) *Prostranstvo i vremia v dnevnike kuptsov Blinovykh* [Space and Time in the Diary of the Merchants Blinov]. *Problemy istochnikovedeniia* [Problems of Source Study], 1 (12), 400-412. (In Russian).
15. Kipriianova, N.V. (2019) *Otnoshenie kupechestva k obrazovaniiu v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka (po materialam Vladimirskei gubernii)* [The Attitude of Merchants to Education in the Late 18th-First Half of the 19th Century (According to Materials from Vladimir Province)]. *Modernizatsiia kul'tury: znanie kak instrument razvitiia*. [The Modernization of Culture: Knowledge as a Tool for Development]. Samara: SGIK, 274-279. (In Russian).

About the author:

Nadezhda V. Sereda, Doctor of History, Professor, Professor, Department of Document Science, Archival Science and Historiography, Tver State University

33, Zheliabova Str., Tver, 170100
nv.sereda@yandex.ru